

По-разному знаменитые эпический театр «Мено Фортас» Эймунтаса Някрошюса из Вильнюса и клоунский театр «Дерево» Антона Адасинского из Дрездена — две непересекающиеся прямые. Тем не менее они встретились этой осенью в одной точке времени и пространства — в Петербурге, почти одновременно показав спектакли об одном и том же — мучительном поиске рая и любви. Какими разными они пользовались художественными средствами, и как от этого было интересно!

«La Divina Commedia!»: совсем другая вертикаль

Антон Адасинский, выходец из полунинских лицедеев, сам давно гур, экспрессивный, трагический клоун и танцовщик, решил вернуться из Дрездена в родной Петербург и закатил громкий фестиваль «Вертикаль» в Петропавловской крепости — недельный прокат «La Divina», показ любимых фильмов плюс спектакли учеников.

Два месяца преданные новички, «деревянные солдатики» во главе с неутомимым Антоном чистили авгиевы конюшни выделенных Петропавловкой закутков и жили по законам школы «Дерево», отчего количество обветренных, наголо побритых для лучшей энергетической восприимчивости, но святящихся счастьем нового знания людей в Петербурге стало больше.

Новобранцам было поручено разогреть публику. Каждый вечер зрителей встречали у Иоанновского моста новым площадным представлением: мне достались кентавры с погонщиками.

Полуголые кентавры на ходулях то и дело убегали на проезжую часть, к Троицкому мосту, пугая водителей и гуляющих в Александровском парке, а погонщики свистели хлыстами и кормили исправившихся беглецов рафинадом. Собрав зрителей и кентавров в стадо, всех повели по периметру крепости, попутно зажигая бензиновые факелы вдоль тропинки.

Начался жуткий ливень — картинка стала средневековой: вонючий живой огонь, чавкающая грязь, сонм зонтов, процессия мрачных мокрых людей, сопровождаемая толпой галдящих уродов и юридических...

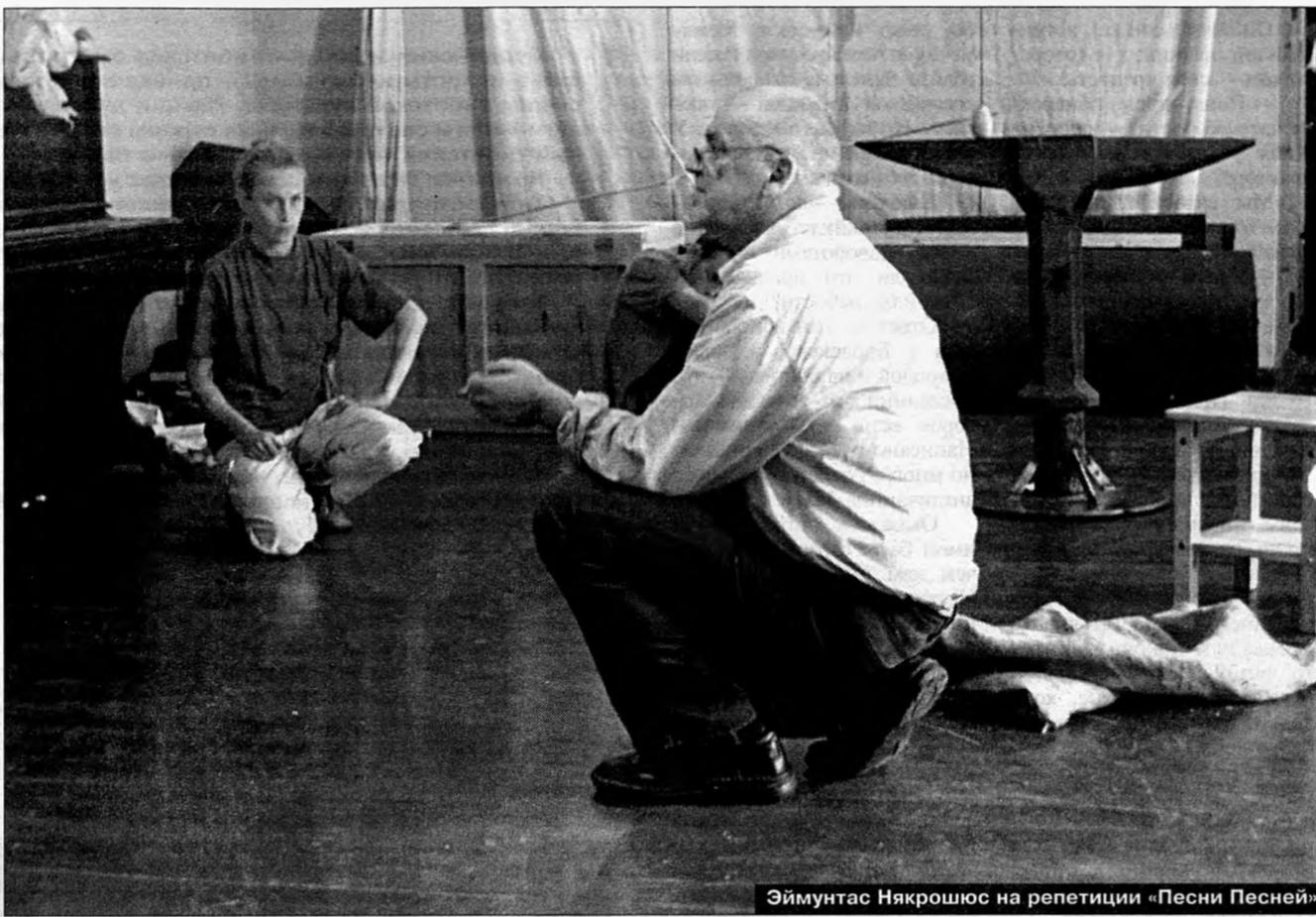
Затеянные вдоль дороги перформансы в условиях непогоды показали вызывающе бесчеловечными: голая девушка-«муха» в полиэтиленовой паутине на холодной земле, хохочущий голый человек на велосипеде с факелом в руке, сыплющий искрами... Таблички-флюгеры под факелами отличали в перформерах поэтов: «Потеки нежности» — трепетала стрелка, указывая зюйд-зюйд-вест. «Шлепот листьев» — настроенная на полный штиль картонка отсылала к улице Времени в глубине Петропавловки.

Спектакль по «Божественной комедии» Данте — самый страшный и нежный из всех, что я видела у «Дерева», урчащий звериными инстинктами и обладающий смертным холодом. То, что «божественность» в названии притаилась за итальянским Divina, характерно для Адасинского, всегда прячущего свои размышления о высоком за inferнальными танцами и цирковыми трюками. Вечно запрятываемая нежность светится в его улыбке и прищуренных глазах, летится как из дырявой клоунской груши — и бумерангом возвращается в опубликованных на сайте письмах причастившихся.

В Петропавловском комендантском домике, сырые с головы до ног, вокруг черной вертля-

вой арены сидели 600 человек и ждали своего кусочка удивительного. Завертелся первый круг, замигали и закачались лампы, что-то закапало, засвистал ветер, выбежал человек в перьях, позвякивающий тяжелым сосудом, привязанным за болюное. Можно было читать монолог Лира — у вызванного ветра уже лопались щеки. Но было будто — японская вариация современного танца, по легенде, возникшая после взрыва атомной бомбы в Хиросиме. В этом танце с момента его рождения живет квинтэссенция протеста сотворенному с людьми злу и ужасу, и люди, владеющие будто, умеют танцевать до изнеможения, чтобы вытряхнуть посеянное в них горе.

Олег Жуковский — самый незаметный актер из постоянного состава «Дерева». В «La Divina Commedia!» ему доста-

Эймунтас Някрошюс на репетиции «Песни Песней»

Раяк — это маленький рай

Две совсем разные премьеры в Петербурге об одном и том же

лась наиболее тяжелая во всех смыслах роль безумного Вергилия, страшная адова тень — и очень удалась.

Адасинский — Данте, облаченный в узкий черный сюртучок и ловкие гамашы, при всей тонкости кости и гимнастической подтянутости мышц неизменно брутalen. Какие бы уморительные колени он ни выдвигал вокруг Вергилия или возлюбленной Беатриче — миниатюрной, забываемой клоунессы Лены Яровой, — надо смотреть ему и Яровой в лица, чтобы понять правду спектакля.

Пляска ли смерти это у бездны на краю или разминка перед сбором яблок в райском саду — они не могут оторваться друг от друга. Одно из яблок Беатриче приносит — с зажженной, как на торте, свечкой. Данте задувает свечу, чтобы поскорее сжать Беатриче в объятиях, но свеча на подзаводе, снова загорается, тепло освещая румяные яблочные бока и плодоножку.

Измучившись фокусом, обезумевший от страсти Данте, давясь, сжирает яблоко — Беатриче в ужасе глядит на него. Но вот он протягивает к ней истосковавшиеся руки — и ясно, что никакой специально чудовищный, клоунский жор не помещает годами нарастающему влечению бессмертных влюбленных. Рай Адасинского

— это дорога (спектакль вырос из потрясения заброшенным посреди Мексики мертвым цирком-шапито).

«Песнь Песней»: магия эскиза

Мировая премьера «Песни Песней» состоится в конце октября в Европе. В декабре спектакль увидит Москва. Зрители петербургского фес-

тиваля «Балтийский дом» увидели работу раньше — конечно, c'est un grand honneur, большая честь. «Это только эскизы», — уточнил Някрошюс. Но, скорее всего, спектакль будет меняться мало.

...Их снова три — как ведьм в «Макбете», как сестер у Чехова. Но теперь потому, что женщина — это Бог. Три женщины подвязывают волосы под подбородками, как бороды, узлом — и вот Он, единый в трех лицах. По очереди

обматываются скрученными листьями ватмана, как свитками Торы, и что-то изнутри шепчут (зрителям розданы русскоязычные синопсисы, звукового перевода нет). Намолив место, тихонько уходят.

Рай Някрошюса — это чистый дом, ухоженный сад, присмотренное хозяйство. Девушка собирает крошки в горсть, у мужика остро заточена коса. До высоко созревшего яблочка селяне пытаются дотянуться всеми способами: расстилают скатерть — авось само свалится, прыгают с разбега, сбивают вилами — не выходит. Срывает яблоко наперсница Суламифи — и тишком протягивает ей, та прячет в кулачке (Суламифи — Алдона Бендорюте — играла Машу в някрошюсовских «Трех сестрах» середины девяностых).

В спектаклях Някрошюса всегда была та мера пластического театра, которую сегодня так настойчиво прививает себе российская драма в поисках свежих идей. Пластика его селян — это пластика одомашненных животных: они прыгают, таранят, пасутся, щиплют, едят, что выросло... Люди здесь — твари Божьи, паства, обитающая в целомудренной глуши. Оттого сквозным действием спектакля становится тема побега из родного дома (Суламифи рвет нитяную паутину, сплетенную для нее родными, и с наслаждением накидывает

сеть на Соломона) — и гнев братьев, не уберечьших сестру от позора. Суламифи затаскивают в ящик, забрасывают камнями, сажают под замои (на большую решетку набрасывают разноцветные тряпочки, и девушка выглядывает отчаянно-лукавым глазом из каждой тряпочки: где он?).

Суламифи утпывает на лодке: напряженно разгибающаяся спина и бешено плещущиеся руки озвучивают ее немое отчаяние. Искать уютную браваду приходят вместе с Соломоном: им нечего делить после смерти. Длинными палками для ошупывания дна, со свечками на верхнем оконечье, они тычут в пол сцены, всматриваются в зал — и незряче обходят тело Суламифи. Только наперсница, ласково улыбаясь, прикладывает палец к губам: детка, я тебя не выдам.

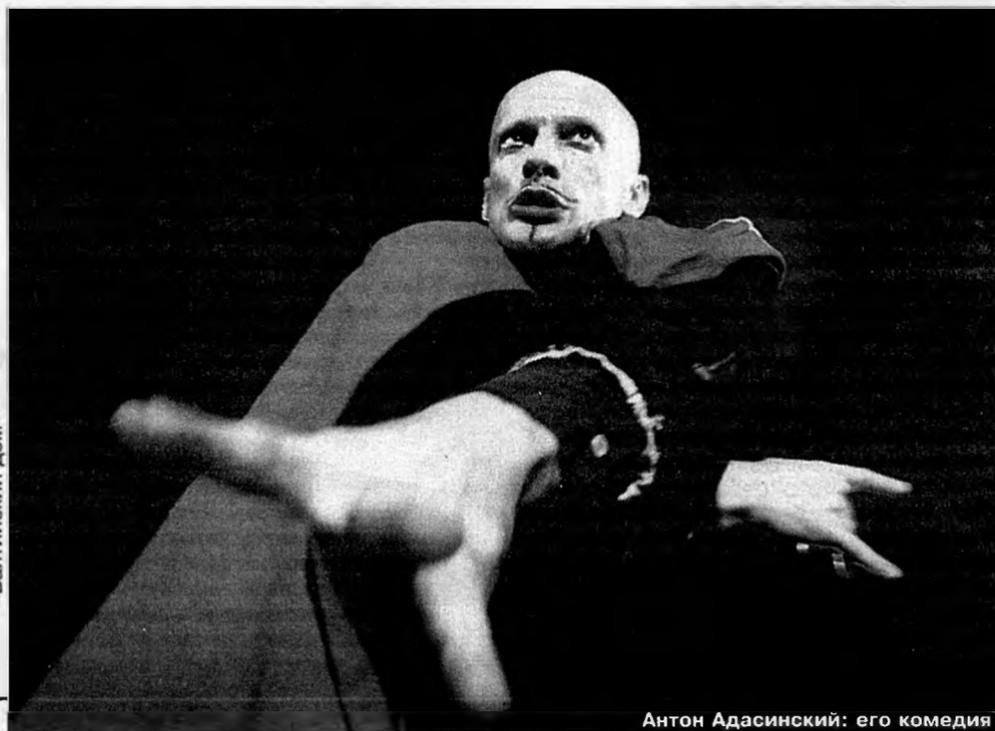
Как и в «La Divina Commedia!», перед нами не сценический подстрочник, но свободные размышления режиссера, по-своему пережившего канонический текст. Синопсис нужен лишь для того, чтобы осознать — Соломон и Суламифи живут в каждом сельянине.

«Песнь Песней» — квинтэссенция многих знаменитых метафор някрошюсовских спектаклей последнего десятилетия. Доска для жертвоприношения, на которую братья выкладывают по-оветчи мекающую Суламифи, была когда-то спортивным снарядам в «Трех сестрах». Секция духовых прибыла из «Времен года». Соломон с дорожным рюкзаком, в тяжелых ботинках — из «Макбета». Пила — «Гамлет», корабельные веревки — «Отелло». Не будь хронология обратной, легко было бы предположить, что все это выросло из Ветхого завета. И, наверное, так оно и есть. У великих свой ход времени.

Екатерина ВАСЕНИНА

Санкт-Петербург — наш спец. корр. Москва

P.S. «Песнь Песней» в Москве — 6, 7 декабря, театральный зал Международного дома музыки, в рамках фестиваля «Сезон Станиславского».

Антон Адасинский: его комедия